

1 августа 1976 г.

В А Ш И
ЗНАМЕНИТЫЕ
ЗНАКОМЫЕ

МАЭСТРО

В черном концертном костюме, с «бабочкой» на накрахмаленной манишке, он низко кланяется, словно благодарит собравшихся в зале за то, что они оказали ему честь, и удобно усаживается в кресле с подлокотниками. Несколько мгновений затем он молчит, и...

Седая голова откинута. Веки прикрыты. Тихо и медленно летят заветы — чтение «Одиссеи» Сурен Кочарян начинается по-древнегречески...

Позже, разбираясь в услышанном и увиденном, вы вспомните пушкинские строки:

Слышу божественный звук
умолявшей эллинской
речи,
Сидяща великого тень
чую, смущенной душой.

Вот именно: смущенной! И вам долго потом не отделаться от ощущения, что вы видели и слышали самого Гомера — мудрого сказочника, искусного певца и тонкого бытописателя. И что вы прикоснулись к той далекой от нас порою, когда боги совершали человеческие поступки и когда царь Одиссей сам ходил за плугом, а царевна Навзикая стирала с девушками на речке белье. То было простое человеческое детство, однако, уже тогда немало взрослых уроков.

Но на протяжении трех часов концерта вы познаете еще и многое другое: и музыку гомеровского стиха, и строй его образов, и нравы его времени, и какой тогда был юмор, и как люди одевались, и что они ели... К тому же вас буквально захватывает острый сюжет этого своеобразного античного детектива.

...«Крейцеров соната». Кочарян все в том же черном костюме, с «бабочкой». Сцена убийства: лицо перекошено гримасой ужаса; рука с кинжалом судорожно чертит воздух снова и снова; рыдания похожи на войный вой...

А в «Декамероне» Кочарян то изыщен, то грубоват, то лиричен, то трагичен. Десятки образов — вызывающие иронию или рожающие сострадание, написанные только одной либо сразу несколькими красками.

«Молодая гвардия», «Давид Сасунский», «Витязь в тигровой шкуре», «Шах-разад» — по «Тысяче и одной ночи»... Сурен Кочарян выступает с тремя десятками композиций. Сотни лиц проходят перед нами, иногда нарисованные в подробностях, раскрытые во всей глубине, иногда же только намеченные белыми мазками. Во времени — три тысячелетия, в пространстве — полмира, а по объему, как бы в третьем измерении, — целый мир: настолько разнообразны затронутые темы, жизненные обстоятельства, человеческие характеры; и все это — он один. Сурен Кочарян, в неизменном черном концертном костюме.

И так — более сорока лет. Зал на концертах Кочаряна всегда полон. Станиславский писал, как трудно удерживать на себе одном внимании тысячной толпы зрителей хотя бы в течение минуты. Сурену Кочаряну — такова сила его искусства! — удавалось делать это по три часа кряду. И удается, и забегая вперед, пожелаем ему: пусть удался и дальше!

С Суреном Акимовичем мы провели вечер — у него мало свободных вечеров: он часто ездит с концертами по стране, если же он в Москве, то искать его надо по многим большим и малым сценам, где он читает свои композиции, или в театральные и концертные залы, где он, словно ветропливший старый врач, выслушивает пульс культурной жизни столицы. Ибо Кочарян не только большой художник, но и общественный деятель: одна из его важных обязанностей — руководить секцией художественного чтения Всероссийского театрального общества. Маэстро, как и положено маэстро, учит молодежь.

Сейчас, дома, он сидит за бюро старинной работы, над которым висит его портрет, выполненный Мартиросом Сарьяном более сорока лет назад, в кресле с подлокотниками, очень похожим на то, в каком он обычно сидит на сцене. Раскрытые книги, большая стопа исписанных листов: Кочарян работает над новой композицией... Пока я не могу рассказать о ней, поскольку не имею на то разрешения. Зная, что над некоторыми своими композициями он трудился по многу лет, я и не прошу у него такого разрешения. Быть может, и сейчас перед ним — лишь первый вариант, всего только набросок...

Мы говорим о погоде, здоровье, о достоинствах этого кофе. И вдруг приходит мысль: сидя вот так в кресле за столом, он не отличается от Кочаряна, сидящего на сцене, разве что нет на нем сейчас черного концертного костюма. Зато есть полная поглощенность разговором, как была, когда я вошел, полная поглощенность работой, или, две недели на-

зад, на концерте «Шах-разад», — полная поглощенность тем, о чем он повествовал. Трудно было тогда сказать, что вызвало у меня эту мысль: доверительная ли манера говорить, привычка ли видеть его сидящим в кресле?

Теперь я понял: и то, и другое; это и есть главный прием, с помощью которого он устанавливает столь тесный и длительный во времени контакт с залом. Он сам говорит об этом так: если я действительно хочу послушать, что скажет мне человек, я приглашу его сесть. Если этот человек сидит на кон-

нас в произведении, несомненно, великому, но требующему сегодня «перевода» на современный язык.

Это как раз и делает Сурен Кочарян.

Работа Сурена Кочаряна над классикой, включая его метод «приближения во времени» литературных памятников, неизменно находила одобрение самых высоких авторитетов науки. Его «Шах-разад» «благословил» сам академик И. Крачковский, основатель советской арабистики. А статья академика И. Орбели о «Давиде Сасунском» называлась «Тысячелетний «Давид» и его сов-

чик стула, а через руку у него будет перекинута палочка, точно он торопится встать и уйти, задумавшего разговора не ждите — не получите. Надо отобрать палочку, усадить человека поудобнее, и пусть он спокойно рассказывает, в чем дело... Сам Кочарян так и поступает: ни грима, ни декораций, ничего в руках — он один и кресло.

И — это, конечно, главное — интересный разговор. О больших событиях, больших людях, больших страстях. Разговор на волнующие темы; на такую, например, вечную и всегда новую, как любовь — любовь к единственному человеку на земле, любовь к Родине, любовь к человечеству. Разговор — по душам; материал Кочарян берет в лучших творениях мировой литературы. Природой ему дарованы, словно специально для этого, три редких таланта — актера, исследователя и литератора.

Свыше тридцати композиций, в том числе по самым великим произведениям классики, — надо ли говорить, какой это труд? Ведь «Тысяча и одна ночь» — восемь томов, «Давид Сасунский» — тысячи стихотворных строк, «Декамерон» — сто новелл, сто разных сюжетов, «Молодая гвардия» — большой роман с огромным множеством событий и героев. А у тещи — два, от силы три часа. Можно ли за это время объять необъятное?

Сурен Кочарян может. Исследователь, сидящий в нем, тщательно изучает текст, отбирая, как ювелир, те слова, фразы, которые безусловно нужны для передачи не только сюжета произведения, но также его духа, стиля, всех его цветов и оттенков. Сидящий в нем литератор, собрав иногда с десятка страниц или из сотни стихов один эпитет, один афоризм и лишь в самых необходимых случаях вставляя слова за себя, конструирует затем исключительно прочное здание нового, своего произведения; попытается расщепить его, и вы найдете в нем все ценные краски и детали оригинала. И, наконец, Кочарян — актер, не знающий недостижимых высот, дорисует недосказанное жестом, поворотом головы, тембром голоса, взглядом.

Почему же для своих композиций он выбирает, как правило, какое-то одно, целое произведение? Почему не строит их, как многие другие чтецы, на основе, например, различных стихотворений?

У каждого серьезного чтеца не только свой стиль общения с залом, но и своя цель. Можно очень талантливо читать весь вечер стихи одного автора — здесь цель: познакомить слушателей с творчеством этого автора. Можно в течение одного концерта читать стихи разных поэтов на определенную тему, к примеру — о любви: цель — показать, кто и как трактовал эту вечную и неувядающую тему. Но можно одновременно и обязать нас в творческую лабораторию автора, и выделить главную тему сегодняшнего вечера — концерт, представить целую галерею действующих лиц, и приобщить

ременный сказитель; перекладывая эту статью, я подумал, как точно найдено — «сказитель»!

И правда — Кочарян никогда не читает пьес, то есть произведений, уже по замыслу своему рассчитанных на нескольких актеров. Он берет эпос и «сказывает» его, пользуясь освященным традицией правом сказителя приближать повествование о днях минувших к дням нынешним: «Витязь в тигровой шкуре» и «Молодая гвардия» для него одинаково героические сказания, обращенные к сердцу современника...

Итак, сказитель? Но — претерпевший соответствующие нашему времени «изменения в облике профессии», то есть совместивший в себе артиста, ученого и поэта?.. Есть, однако, еще одна печать времени на творчестве Кочаряна: если древний сказитель «Давида» имел в общем-то небольшую аудиторию, то Кочаряна слушают миллионы. В концертных залах. В институтских аудиториях. В школах. На грампластинках. По телевидению.

— Кстати, Сурен Акимович, вы выступали по телевидению во многих городах. Как вы относитесь к этому новому средству общения со зрителем?

— Слушателем, — поправляет меня Сурен Акимович. — Отношусь так же, как все другие чтецы, и не только чтецы. Для меня решающее значение всегда имеет зал: лица людей, их глаза... Но век наш открывает новые возможности, и для людей моей профессии действительно грешно не пользоваться телевидением. Хотя бы потому, что в один вечер моя «Молодая гвардия» может получить столько слушателей, сколько у нее не было за двадцать лет. А это почетно! Хотя, конечно, не снимает ни одной из творческих проблем, и самая главная из них — как полнее поделиться со слушателем безмерным духовным богатством, которое заключено в исполняемом мной произведении.

...Он сидит, седой, за письменным столом — когда он не на сцене и не в делах, связанных с «общественными нагрузками», он за письменным столом. Рождаются новые композиции. Он понесет ее сначала ученим. Потом он будет читать ее друзьям, собирая их советы и проверяя себя, — ведь он еще и режиссер своих программ...

Кочарян работает. Может быть, трех десятков программ, — среди которых Гомер, Руставели, Боккаччо, Толстой, — кому-то хватило бы на всю жизнь. Но не Кочаряну. Еще так много гениальных творений мировой культуры, которые ему надо, обязательно надо пересказать нам с вами! Чтобы одарить радостью встречи с прекрасным, богатством новых знаний и сильных чувств. И поэтому он работает, работает, работает — в концертном зале, в юрии очередного конкурса, на заседаниях в Доме дружбы с зарубежными странами и просто дома за письменным столом...

Георгий МЕЛИКЯНЦ.
г. Москва.